

Философия Платона – разумный миф или мифический разум?

Руслан Игоревич Французов

Аспирант, Южный Федеральный Университет, институт философии и социально-политических наук.

francuzov@sfedu.ru

Аннотация: Исследование античного наследия можно рассматривать как форму саморефлексии «исторического субъекта» над истоками своего личностного я и над истоками культуры – основы историчности. Однако такая рефлексия немыслима без выделения определенных моментов, которые выполняют роль своего рода «ориентира» в этой сложном, по многим причинам до сих пор «скрытом» мире исторической «пред-ставленности» человека самому себе. Одной из таких точек является фигура Платона, которая в свою очередь много размышляет над еще более древними «историческими» сюжетами – мифами. Однако несмотря на то, что на данную тему существует множество публикаций, которые рассматривают роль мифа в творчестве Платона со многих сторон – методологической, литературно-сюжетной, экзистенциально-онтологической, аксиолого-апологетической, существует крайне мало исследований, посвященных рассмотрению мифа как основы особого исторического типа сознания человека – мифологического. Таким образом статья посвящена анализу роли и положения мифа в творчестве Платона. Основой для данного исследования анализ (выраженный в форме обзора) литературы на данную тему (часть, из которой впервые вводится в исследовательское поле русскоязычных авторов). Итогом исследования, стала попытка выведения определения понятия «миф», которое отражало бы не его функциональную сторону, но смысло-содержательную т. е. понимаемую как система и форма мировоззрения, мировосприятия и миропонимания. Полученные на базе критического анализа содержания выбранных нами работ, вносят вклад в понимание роли и места мифа в философии Платона вообще, и в конкретной проблеме отношения «мифического» и «логического», в частности.

Ключевые слова: Миф, логос, Платон, дискурс, философия, мировоззрение, общественное сознание.

The philosophy of Plato - a rational myth or a mythical mind?

Ruslan Frantsuzov

Graduate student, Southern Federal University, Institute of Philosophy and Socio-Political sciences

francuzov@sfedu.ru

Abstract: The study of the ancient heritage can be considered as a form of self-reflection of the "historical subject" over the origins of his personal self and over the origins of culture - the basis of historicity. However, such reflection is unthinkable without highlighting certain moments that serve as a kind of "reference point" in this complex, for many reasons still "hidden" world of historical "ere-now" of a person to himself. One of these points is the figure of Plato, who in turn thinks a lot about even more ancient "historical" stories - myths. However, despite the fact that there are many publications on this topic that consider the role of myth in Plato's work from many sides - methodological, literary-plot, existential-ontological, axiological-apologetic, there are very few studies devoted to the consideration of myth as the basis of a special historical type of human consciousness – mythological. Thus, the article is devoted to the analysis of the role and position

Key words: Myth, logos, Plato, discourse, philosophy, world-view, social consciousness.

© Р.И. Французов (Ростов-на-Дону). francuzov@sfedu.ru. Южный федеральный университет. Южный Полюс 8 (1/2) (2022) DOI: 10.18522/2415-8682-2022-8-36-43

Миф и мифология – это крайне сложные культурные явления. Сложность эта проявляется во многих аспектах: функциональном, филологическом, психологическом, политическом, идеологическом и т. д. Потому, исходя из всего сказанного, ясно, что переход к конкретному исследованию в рамках нашей статьи невозможен без разбора самых широких, и потому наиболее важных вопросах нашего исследования: что такое миф? И что такое мифология?

Итак, мифология, как мы видим, сложно слово, состоящее из мифа (μῦθος) [1] и логоса (λόγος) [2], которые не столько неоднозначны в плане индивидуального перевода, сколько в различии семантических оттенков лексических значений при сопоставлении данных понятий друг с другом и иным контекстом. Отдельно филологико-историческому анализу данных понятий и их отношения между собой посвящены как отдельные работы – С.Н. Трубецкой [3 с. 44-204], К. Морган [4, с. 313], и статьи – Р. Фаулер, [5, с. 45-66], К. Боттичи [6, с. 1-24], так и отдельные главы в работах с более конкретной, но смежной с нашей темой исследования – Заславский [7, с. 11-21], А. Ф. Лосев [8, с. 442-478]. Таким образом, переходя к формированию нашего рабочего определения, связующего два указанных выше понятия, мы не будем уделять внимание филологической составляющей проблемы. Мы обратимся сразу к содержательной части, и «Новая философская энциклопедия» предоставляет нам следующее определение следующего характера. «Мифология (от греч. μῦθος – предание, сказание и λόγος – слово, понятие, учение) – форма общественного сознания; способ понимания природной и социальной действительности, характерный для ранних этапов развития общества» [9]. Исходя из этого определения, мы можем вывести два влажнеющих элемента для определения мифологии; первое – общественное сознание, т. е. нечто связанное с психикой, но не индивидуальной, а интерсубъективной, всеобщей системой смыслов и ценностей; второе – историчность, т. е. динамичность, ограниченность, конечность, определенность; нечто вытекающее из самого образа жизни людей и завершающееся с его изменением. Однако, в рассматриваемом нами определении, не хватает двух самых важных, по нашему мнению, элементов.

Во-первых, связи между понятием мифа и мифологии как системы, где миф выступает центральным структурообразующим ядром все этой системы, а во-вторых, связи мифологии как формы общественного сознания с фундаментальными ее составляющими – Бог, божественное мистическое и т. д. Что же касается мифа как понятия, то его определение мы можем взять в новейшем философском словаре под редакцией А. А. Грицанова: «Миф — форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности» [10]. В данном определении мы видим два интересующих нас момента. Первое – целостное массовое переживание и истолкование, т. е. общественное форма сознания как единство чувственно-иррационального и рационального связанная с непосредственным органическим функционированием субъекта в рамках данной мировоззренческой системы. Второе – чувственно-наглядные образы, принимаемые как самостоятельные явления реальности, т. е. мы имеем дело с некоторыми описательными сюжетами, которые рассматривают все природные процессы как результат деятельности некоторых онтологически понимаемых и самостоятельно функционирующих представлений – различных божеств.

Таким образом, рассмотрев интересующие нас понятия и проанализировав их определения, мы можем вывести единую и рабочую, в рамках нашей статьи дефиницию: мифология - форма общественного сознания, характерная для ранних этапов развития общества и представляющая собой сложную систему повествовательных сюжетов (мифов), в которых содержатся представления людей о себе, о мире, о своем положении в мире и о богах. И при этом надо принимать во внимание два важных замечания от Вальтера Отто о том, что «...древний миф – это событие, величие и значимость которого поглощает

индивидуальности тех, кто действует и страдает в нем» [11, с. 57]. Т. е. момент непосредственного коллективного переживания. И от Пола Вейна «...древние мифы были приняты как истинные в том смысле, что они не подвергались сомнению, но они не были приняты как часть повседневной реальности» [12, с. 17] т. е. древние мифы как часть мифологического мировоззрения выступают как исторические сюжеты, древность которых обеспечивало их истину вообще, но не истину повседневную.

Завершая обсуждение того, что мы понимаем под мифом мы можем перейти к мифологии Древней Греции. Основные мифологические сюжеты, мы как люди, для которых слово древнегреческий выступает синонимом слова классический, безусловно знаем с детства. Достаточно вспомнить Н. А. Куна [13], Я. Э. Голосовкера [14], М. Л. Гаспарова [15] или Ф. Ф. Зелинского [16]. И даже исходя из этих, предназначенных для совсем молодой аудитории работ, мы можем сделать вывод о высокой роли мифологических сюжетов, центральное место в которых занимают божества и различные «даймоны» (духи, гении, демоны, души). Из всего выше сказанного ясно, что все сферы жизнедеятельности эллинов прямо или косвенно регулировались некоторым набором мифологических сюжетов, которые в форме различных обрядовых практик приобретали формы социально значимых традиций. В связи с этим, переходя к Платону, мы натываемся на три сложности в восприятии как самой личности основателя Академии, так и его творчества. Раскрытие данных проблем и их анализ и будет составлять основную часть нашего исследования.

Итак, первая сложность восприятия Платона и его наследия состоит в определении состояния мифологии на момент написания диалогов, т. е. в определении условий, в которых находился эллинский любитель мудрости. Так К. Рейнхардт утверждает, что «Греческая мифология умерла в годы юности Платона» [17, с. 123]. Рядом с данной позицией можно и поставить позицию А. И. Зайцева, который рассматривает мифологию в связи с ее функциональным применением и утверждает, что «мифология никогда не могла по своей природе монополизировать восприятие» [18, с. 181], т. к. «Миф лишен самостоятельной силы воздействия на коллектив, в котором он бытует: роль его зависит, прежде всего, от функции религиозных верований в данном коллективе и от степени его спаянности с этими верованиями; во-вторых, роль мифа существенно зависит от жанровой природы фольклорного или литературного памятника...» [18, с. 182]. А Л. Эдельштейн, занимая совершенно противоположную позицию и утверждает: «Во времена Платона мифология была еще живой силой» [19], А. Ф. Лосев, занимая среднюю позицию, указывает на то, что в классическую эпоху «мифология продолжала признаваться, но ей уже отводилось второстепенное значение» [20, с. 442-478], что в принципе согласуется и позицией К. Морган [4]. В связи с этим, вполне очевидна сложность восприятия того, в каких условиях приходилось работать Платону.

Что касается же нашей оценки, то говоря о мифологии и ее значимости, сперва необходимо разобраться с тем о какой группе населения мы говорим. Если мы говорим о обычных гражданах как городских, так и сельских, то безусловно мы можем утверждать об абсолютно мифологической картине мира и мифологическом мировоззрении. Это утверждение вполне приемлемо в рамках выведенного нами понимания мифа и вполне обоснованно в исследовании Мартина Нильссона [21]. Потому совсем не ясны утверждения о том, что мифология умерла совсем, или то, что мифология в силу своего выражения в тексте (что также спорно, ибо мифы во многом долгое время являли устной традицией) и в зависимости от стиля текста не могла иметь монополию восприятия. Мифология была самой значимой и во многом единственной картиной восприятия, которой регулировалась вся общественная жизнь людей. Так если мы обратимся к описанию «золотого века» Эллады как в первоисточниках, так и в различных исследовательских работах, мы увидим, что миф, как сказ о божественном, регулировал по средством обоснования различного рода

обрядов: рождение детей [22, с. 33-34], принятие законов [23, с. 151-152], формирование военных союзов [24, с. 183], клятвы [24, с. 47], формирование колоний [24, с. 204], сексуальная жизнь [25, с. 123-159], [26, с. 57-148]; генеалогия царей [23, с. 135], театральные постановки (причем как по функции – очищение и по сюжетам) [27, с. 140-209], свадьбы [22, с. 21-28], семейная жизнь [22, с. 19-20], праздники [28, с. 218-224], похороны [22, с. 100-103] и т. д. Другой вопрос возникает, когда мы говорим не об обычных обывателях, а об античных любителях мудрости. Как вообще может соотноситься и пониматься мифология людьми, что «поклоняются» логосу и стремятся к рациональному постижению действительности.

Платон, будучи той ключевой фигурой, которая радикально меняет предмет (Phaedrus 230d) [29, с. 163] и метод (Crat. 390c) [30, с. 425] философии, как никогда актуален для нашего исследования. Это основная сложность, которая возникает у нас в попытках понимания философии Платона. Какую роль выполняли мифы у Платона? Можно ли их анализировать в отрыве от самой литературной формы и тех проблем где данные мифы появляются? Возможно ли совмещение рационального логоса и поэтико-мистического мифа? На эти вопросы существует множество ответов. При этом следует учитывать, что рассматривая миф как атомарный факт, который как-то функционирует в чуждом самому мифу логоцентрическом мировоззрении, необходимо обращать особое внимание на, что миф имеет внутренне содержание и внутренние законы описания и объяснения мира, то, что «этот мифический мир не был эмпирическим, он был благородным» [12, с. 18]. Тим Эдди, как бы подтверждая наше критическое замечание, указывает на то, что «Мифология не сводима к логическому анализу...» [31, с. 35], т. к. «...Платон считал миф существенной частью более глубокого понимания истины» [31, с. 25], и поэтому сам «Платоновский диалог – использование мифа для представления целостного видения истины» [31, с. 25] с чем соглашается и К. Альберт [32, с. 61-62]. Однако тут мы наблюдаем такую ситуацию, что в принципе вся философия Платона и даже литературная форма ее представления выступает формой подачи мифа. Т. е. он теряет свое собственное значение, что, по нашему мнению, достаточно односторонний взгляд на творчество афинского философа.

Интересная альтернатива этому видению предлагался последователям Штефана Георге. Они в качестве примера для подражания воспринимали не какие-то мифы о богах, но для них сам Платон и тот мир, что он конструировал в диалогах, выступали мифом, при этом сам миф «...понимался, разумеется, не как продукт фантазии, но как сверхдействительность... Он [миф – прим. авт.] для георгеанцев превосходил итак называемую действительность по степени реальности, ибо «действительность», не одухотворенная мифом, безжизненна» [33, с. 280].

Представитель радикально иной, во многом закрытой от непосредственных полемик, позиция А.Ф. Лосева в своих работах указывает – «...миф трактуется Платоном как определённого рода философско-эстетическая категория» [20, с. 662], которая «...объединяет в себе мысль, воспоминание и стремление к осуществлению желаемого, тоску по нем» [20, с. 470]. Поэтому «Он образец и даже “образец образца“ для разных типов действительности. И эта его действительность устремлена и нацелена в будущее вопреки всем стародавним традициям, которые всегда идеализировали и мифологизировали прошлое» [20, с. 471]. Исходя из всего этого «...Платон не отвергает богов традиционной мифологии, но только требует философского очищения от всего того, безнравственного и фантастического, что в этой области накопилось за многие века в народе и раздувалось поэтами» [20, с. 664]. Позиция А. Ф. Лосева объединяет понятия мифа и как мировоззрение, и сюжет, и как инструмент. Присутствует также и психологическая часть, однако все также не рассмотрена роль мифа как общественного сознания, а также указывается прогрессивная роль мифа, ибо она нацеленная на будущее, что, по нашему мнению, не верно, ибо образцы прошлого выступают тут образцами для будущего.

Таким образом, рассмотрев множество позиций различных специалистов относительно проблемы и места мифа в творчестве Платона, мы вслед за проанализированными нами авторами, установили, что миф был инструментом Платона. Он использовал его по многим причинам и в различных ситуациях литературно-формального и смысло-содержательного характера. Безусловно, особую роль играла и воспитательное-психологическая функция мифа, которая была необходима Платону для построения правильного государства. Иными словами, мифология. Правильная мифология, в правильном возрасте представляет составную часть правильного образования правильных людей или, иными словами, составную часть мифологии. Однако, если рассматривать этот миф так одностороннею не совсем ясно зачем.

Во-первых, Платон с использует и создает мифы при обсуждении таких сложных проблем с явно немолодыми детьми как проблема припоминания, проблема блага, проблема происхождения мира и т. д. Во-вторых, не совсем ясны слова Платона, переданные через Сократа в диалоге «Апология Сократа» о той роли, которую ему указали боги в этом мире. В-третьих, сами содержания диалогов, которые затрагивают тему человеческих качеств или качеств любых вещей, взятых в своей абстракции «вообще», правильного государства, воспитанного человека, управленца или какого-либо искусства так или иначе связана с божественны ибо формулу занятий данными вещами Платон высказал в «Тимее» следующим образом «... из наук божественных с вывода науки человеческие, вплоть до искусства гадания и пекущегося о здоровье искусства врачевания, а равно и всех прочих видов знания...» (Tim. 24c) [34, с. 465]. В-четвертых, особого внимания заслуживают сами словарные обороты, которые используются Платоном своих работах всеми участниками. Каждый вид данного оборота так или иначе связан с богом или богиней, клятва которой выступает вполне себе достаточным обоснованием для установления какого-либо тезиса. Набор этих оборотов (θεῖος ἀνήρ, ἢ Δία, μὰ Δία, ὃ πρὸς Δίῳ, θεῶ φίλον, ἴστε μὰ θεοῦς, πράγματός θεὸν ἀεὶ που καλοῦσιν, εἴ τις θεῖα φύσει, ἢ τὴν Ἥραν и т. д) позволяет нам высказать предположение не только об открытой, но и скрытой в языке мифологии – крипто мифологии. Исходя из этих четырех наших замечаний, по нашему мнению, вполне разумным будет нами пересмотреть традиционное противопоставление понятий мифа и логоса между собой (хотя эти понятия большинство исследователей и не противопоставляют) [35] и восприятие движения человеческого мышления от мифа к логосу. Платон был человеком своего времени, времени. Где мифологическое мышление было формой восприятия мира вообще. Постепенная рефлексия над различными сюжетами мифа, не меня самой сути восприятия действительности данными субъектами, а, по нашему мнению, наоборот только усиливает, ибо противопоставления мифа философа мифу обычного человека это не противопоставления мифа логосу, а противопоставления мифа мифу. Того как правильно понимать сам миф в новых условиях с новым знанием о самом мире. Да и сам Логос, не более чем новое понятия в рамках постепенно умирающего, но тем не менее продолжающего функционировать (по крайней мере в период Платона) мировоззрения. Потому и сам вопрос о мифе и о логосе, по нашему мнению, не вера. Миф настолько же логичен, насколько логос мифичен и наоборот. И противопоставлении их (как качественно, так и в развитии), это не только, как мы считаем, не понимание самой структуры и качественной характеристики сознания людей той эпохи, это непонимание того, что само использование мифа и логоса в отрыве от тем, смыслов, контекста и литературной формы представления –нарушает органическую целостность и единства не только самого диалога, но и того образа мысли, которой мы можем условно назвать логикой платоновской диалогической философии греческой классики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/древнегреческо-русский-словарь-дворецкий/μυθος> (дата обращения: 28.08.2022).
2. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/древнегреческо-русский-словарь-дворецкий/λογος> (дата обращения: 28.08.2022).
3. Трубецкой С.Н. Сочинения. М. 1994. 816 с.
4. Morgan K. A. Myth and Philosophy from the Presocratics to Plato. Cambridge University Press. 2000. 322 p.
5. Fowlers R. L. Mythos and logos // The Journal of Hellenic Studies. 2011. Vol. 131. P. 45-66.
6. Bottici C. Mythos and Logos // A Genealogical Approach. Epoché: A Journal for the History of Philosophy. 2008. 13 (1). P. 1-24.
7. Zaslavsky R. Platonic Myth and Platonic Writing. Washington, D.C.: University Press of America. 1981. 294 p.
8. Лосев А. Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т. 2. Софисты. Сократ. Платон. М., Харьков. 2000. 846 с.
9. Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%9C%D0%98%D0%A4%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF (дата обращения: 28.08.2021).
10. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/philosophy/%D0%9C%D0%98%D0%A4> (дата обращения: 28.08.2021).
11. Отто В. Греческие боги: Картина божественного в зеркале греческого духа. СПб. 2019. 318 с.
12. Veyne P. Did the Greeks believe in their myths?: an essay on the constitutive imagination. Chicago. 1988. 161 p.
13. Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. М. 2020. 579 с.
14. Голосовкер Я. Э. Сказания о титанах. М. 1993. 265 с.
15. Гаспаров М.Л. Занимательная Греция; Капитолийская волчица. М. 2017. 624 с.
16. Зелинский Ф.Ф. Сказочная древность. М. 1994. 367 с.
17. Рейнхардт К. Мифы Платона. СПб. 2019. 314 с.
18. Зайцев А. И. Греческая религия и мифология: Курс лекций. СПб., М. 2005. 420 с.
19. Edelstein L. The Function of the Myth in Plato's Philosophy Source // Journal of the History of Ideas. 1949. Vol. 10. No. 4. P. 463-481.
20. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т.8. Итоги тысячелетнего развития. Кн. II. М. 2000. 676 с.
21. Нильссон М. Греческая народная религия. СПб. 1998. 219 с.
22. Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. М. 2020. 416 с.
23. Геродот. История / Пер. Ф. Г. Мищенко. М. 2016. 599 с.
24. Фукидид. История / Пер. Г. А Стратановского. М. 1999. 727 с.
25. Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М. 1995. 400 с.
26. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Том 2. СПб. 2004. 432 с.
27. Позднев М.М. Психология искусства. Учение Аристотеля. М., СПб. 2010. 816 с.
28. Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. М. 2018. 448 с.
29. Платон. Сочинения в трех томах (четырёх книгах) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 2. М. 1970. 611 с.

30. Платон. Сочинения в трех томах (четыре книги) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 1. М. 1968. 623 с.
31. Addey T. Myth – The Final Phase of Platonic Education // *The Meadow*. 2005. Issue 2. P. 24-35.
32. Альберт К. О понятии философии у Платона. Владивосток. 2012. 120 с.
33. Маяцкий М.А. Спор о Платоне: Круг Штефана Георге и немецкий университет. М. 2012. 344 с.
34. Платон. Сочинения в трех томах (четыре книги) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 3. Ч. 1. М. 1971. 687 с.
35. Stanford Encyclopedia of Philosophy 2009. [Электронный ресурс] URL: <https://plato.stanford.edu/entries/plato-myths/> (дата обращения: 28.08.2022).

REFERENCES

1. Dvoreckij I.H. Drevnegrechesko-russkij slovar'. [Electronic resource]. URL: <http://www.vokabula.rf/slovari/drevnegrechesko-russkij-slovar'-dvoreckij/μθoς>. (Accessed: 28.08.2022). (In Russian)
2. Dvoreckij I.H. Drevnegrechesko-russkij slovar'. [Electronic resource]. URL: <http://www.vokabula.rf/slovari/drevnegrechesko-russkij-slovar'-dvoreckij/λογoς>. (Accessed: 28.08.2022). (In Russian)
3. Trubeckoj S.N. Sochineniya. M. 1994. 816 p. (In Russian)
4. Morgan K. A. Myth and Philosophy from the Presocratics to Plato. Cambridge University Press. 2000. 322 p.
5. Fowlers R. L. Mythos and logos // *The Journal of Hellenic Studies*. 2011. Vol. 131. P. 45-66.
6. Bottisi C. Mythos and Logos: A Genealogical Approach // *Epoché: A Journal for the History of Philosophy*. 2008. 13 (1). P. 1-24.
7. Zaslavsky R. Platonic Myth and Platonic Writing. Washington, D.C.: University Press of America. 1981. 294 p.
8. Losev A. F. Istoriya antichnoj estetiki (v 8 tomah). T. 2. Sofisty. Sokrat. Platon. M., Har'kov. 2000. 846 p. (In Russian)
9. Novaya filosofskaya enciklopediya. [Electronic resource]. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%9C%D0%98%D0%A4%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF (Accessed: 28.08.2021). (In Russian)
10. Gricanov A.A. Novejshij filosofskij slovar'. [Electronic resource]. URL: <https://gufo.me/dict/philosophy/%D0%9C%D0%98%D0%A4> (Accessed: 28.08.2021). (In Russian)
11. Otto V. Grecheskie bogi: Kartina bozhestvennogo v zerkale grecheskogo duha. SPb. 2019. 318 p. (In Russian)
12. Veyne P. Did the Greeks believe in their myths?: an essay on the constitutive imagination. Chicago: University of Chicago Press. 1988. 161 p.
13. Kun N. Legendy i mify Drevnej Grecii. M. 2020. 579 p. (In Russian)
14. Golosovker YA. E. Skazaniya o titanah. M. 1993. 265 p. (In Russian)
15. Gasparov M.L. Zanimatel'naya Greciya; Kapitolijskaya volchica. M. 2017. 624 p. (In Russian)
16. Zelinskij F.F. Skazoch'naya drevnost'. M. 1994. 367 p. (In Russian)
17. Rejnhardt K. Mify Platona. SPb. 2019. 314 p. (In Russian)
18. Zajcev A. I. Grecheskaya religiya i mifologiya: Kurs lekcij. SPb., M. 2005. 420 p. (In Russian)
19. Edelstein L. The Function of the Myth in Plato's Philosophy Source // *Journal of the History of Ideas*. 1949. Vol. 10. No. 4. P. 463-481.
20. Losev A. F. Istoriya antichnoj estetiki. T.8. Itogi tysyacheletnego razvitiya. Kn. II. M. 2000.

676 p. (In Russian)

21. Nil'sson M. Grecheskaya narodnaya religiya. SPb. 1998. 219 p. (In Russian)
22. Giro P. Chastnaya i obshchestvennaya zhizn' grekov. M. 2020. 416 p. (In Russian)
23. Gerodot. Istoriya. M. 2016. 599 p. (In Russian)
24. Fukidid. Istoriya. M. 1999. 727 p. (In Russian)
25. Liht G. Seksual'naya zhizn' v Drevnej Grecii. M. 1995. 400 p. (In Russian)
26. Fuko M. Ispol'zovanie udovol'stvij. Istoriya seksual'nosti. T. 2. SPb. 2004. 432 p. (In Russian)
27. Pozdnev M.M. Psihologiya iskusstva. Ucheniye Aristotelya. M., SPb. 2010. 816 p. (In Russian)
28. Zelinskij F. F. Istoriya antichnoj kul'tury. M. 2018. 448 p. (In Russian)
29. Platon. Sochineniya v trekh tomah (chetyrekh knigah) / Ed. A. Losev, V. Asmus. V. 2. M. 1970. 611 p. (In Russian)
30. Platon. Sochineniya v trekh tomah (chetyrekh knigah) / Ed. A. Losev, V. Asmus. V. 1. M. 1968. 623 p. (In Russian)
31. Addey T. Myth – The Final Phase of Platonic Education // The Meadow. 2005. Issue 2. P. 24-35.
32. Al'bert K. O ponyatii filosofii u Platona. M. 2012. 120 p. (In Russian)
33. Mayackij M.A. Spor o Platone: Krug Shtefana George i nemeckij universitet. M. 2012. 344 p. (In Russian)
34. Platon. Sochineniya v trekh tomah (chetyrekh knigah) / Ed. A. Losev, V. Asmus. V. 3. P. 1. M. 1971. 687 p. (In Russian)
35. Stanford Encyclopedia of Philosophy 2009. [Electronic resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/plato-myths/> (Accessed: 28.08.2022). (In Russian)